

Символика действия в донских гаданиях

(На материале гаданий Усть-Донецкого района Ростовской области)

Ефимова Н.

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Гадания, записанные в Усть-Донецком районе Ростовской области, представляют собой интереснейший источник для изучения мифопоэтической картины мира донских казаков. В процессе гадания символическим смыслом наделяются все составляющие обряда: и язык, и предметы, и действия, и место, избираемое для его осуществления. Анализ этих составляющих и позволяет вычленировать символические концепты, имеющие особое значение для донской духовной культуры, выстроить систему ценностей, свойственную традиционному казачеству. В данной статье остановлюсь на одном элементе символики гаданий – действии.

Акциональная парадигма символов представлена в комплексе записанных текстов достаточно широко. Она включает в себя разнофункциональные действия, соотносимые с объектами нескольких типов.

Представляется логичным разделить все выявленные акциональные символы на 2 группы в зависимости от субъекта действия:

- различные действия гадающего;
- действия медиатора /объекта гадания/ предмета, используемого в гадании.

В данной статье проанализируем первую группу символов.

Действия, производимые субъектом гадания, по своей функции могут быть предварительными (исполнение которых делает возможным осуществление гадания) и основными (действия, направленные на получение сведений о будущем).

В первом случае мы говорим об особой регламентации обрядового поведения. Основная часть акций этого типа – действия, семантически противопоставленные обыденным.

Лучше всего в нашем регионе сохранились описания предварительных действий при гаданиях перед зеркалом. Основная цель большинства из них – это уподобить гадающего персонажу «чужого» мира. Как один из способов такого уподобления используется изменение внешнего облика. Прежде всего, преобразованию подвергаются те его детали, которые являются отличительными признаками человека православного: повсеместно фиксируются свидетельства о том, что нельзя гадать с крестом, подпоясанной, с волосами, убранными в причёску: «В двенадцать часов ночи нада была волосы распустить, и, как гаварят, щерти приходят» [8]. Для успешного проведения гадания бывает необходима не только трансформация внешности человека, но и отход от принятых в обществе моделей поведения.

Условием многих, особенно «страшных», гаданий является запрет на разговоры во время совершения ритуальных действий. Использование отрицательно маркированного члена оппозиции говорить (речь) – молчать (немота) – это способ связать себя на определенный срок со сверхъестественными силами [1].

Если молчание (или немота) символически оценивается как негативная характеристика человека, то тишина в значении отсутствия производимого шума воспринимается уже как норма, нарушение которой мы можем наблюдать в некоторых типах гаданий. Так, гадание под окном часто сопровождается не просто формальным стуком, привлекающим внимание хозяина, но часто смехом, криками. Данная форма поведения сближает гадающих девушек с ряжеными – также символическими представителями «чужого» мира, бесчинства которых – неотъемлемая черта святочного цикла обрядов [4]. С другой стороны, такая нехарактерная для повседневной ситуации форма речевого поведения может, как и молчание, быть условием установления контакта с тем светом. Таким образом, отношения между нормой и антинормой в данной

семантической группе глаголов можно описать с помощью трёхчленной оппозиции: кричать (шуметь, смеяться) – говорить – молчать, где крайние члены являются обрядовыми синонимами с общим значением «действия, переводящие человека в статус иномирного существа».

Комплекс правил поведения касается таких акций человека, как (не) видеть / быть (не) видимым. Так, при гаданиях под окном девушка стремилась оставаться вне поля зрения хозяев, называющих имя жениха: «Ну пад Новый гот ходяд жы, судьбу спрашывають. Ну отак вечир жы. Ани приходють пад акно, пастучать: «Девачка, скажы судьбу. А с хаты-та и гаварять. Ни знають жы хто, и гаварять: Тибє Гришка, тибє Ванькя, тибє кабель рябий, тибє сучку лахматую» [8]. В некоторых типах гаданий символический отказ от возможности видеть был смыслообразующим: «На празники, у Святки, под Ражыство-та выскакували мы. Тада плитни жы были плитёны. И када он плитётэ этот плитень, то палачка адна, ни хватаит на усю. И вон отак-от наставляить. И от мы бигим у патимках. Завязываиш, какой, или другажениц будит у тибє, ли нет. Чи два раза замужым будиш» [8], Слепота, как и немота, – характеристика, свойственная не-человеку, воспринимается носителями традиции как антинорма. То же значение приобретает и способность оставаться невидимым, свойственная многим мифологическим персонажам, таким, как леший, домовый. Целью ритуального ослепления как способа символически отождествить гадающего с представителями «чужого» мира может являться отказ от возможности волеизъявления гадающей. В этом случае человек уже не является непосредственным субъектом ритуала, его действия приобретают характер случайных, иррациональных, непредсказуемых.

Другим значимым акциональным символом в гаданиях оказываются действия с общим значением движения в пространстве. Символически маркированным становится отсутствие акции – в данном случае – лежание, которое является необходимым условием гаданий двух типов: на сон и с зеркалом, например: «Я гадала. Я от нашла такую чашычку... Памалилась, «Отчи наш» прачитала... Лигла и думаю. Патом паднилась, села и гаварю: «Хто напьёца с этой чашки, тот мой жыних» [8]. Горизонтальное положение человека – наиболее стабильное, прочное, его пределом становится мёртвое тело, покойник, труп [6]. Таким образом, сознательно принимая положение умершего человека, гадающий принимает на себя и его прогностические способности. В случае с гаданиями на сон данная семантика действия дублируется и вхождением человека в состояние сна, символически синонимичное смерти [5].

Другой вариант движения, характеризующегося самостоятельной значимостью в гаданиях, – это бег, противопоставленный ходьбе как норме, акции, свойственной человеку. Значительная часть гаданий, локализованных вне дома, предполагает подобный способ перемещения: «И на Раждисто жы галодная кутья, и вот ни идять да первой звёздачки, а патом паидять и хватають са стала как аглашенны, хто чиво. Хто кутью, хто лошки, хто крошки, и бигуть на пирикрёстак отакой как у нас» [8].

Способ передвижения важен и для некоторых гаданий с животными. Информаторы свидетельствуют о том, что в определенных случаях необходимо было идти задом: «Эта мы так, авечик хадили задам лавили ...Ночью идём жа, у катух жы, то сараи были, и нужна жы паймать иё задам. Ни пиридом жы иё лавить»; «Слыхала, што ловють питухоу. И ловють-та задам. Задам сымають с насесты. И смотрют: чи питуха, чи курачку» [8]. Данный вариант перемещения в пространстве, как и обсуждавшиеся ранее, несет в себе символику постулирования временной отнесенности субъекта гадания к обитателям «чужого» пространства.

«Остранению» при гадании мог подвергаться не только внешний вид человека, но и задействованная в ритуале вещь. Придание предмету черт чужого, случайного, найденного могло осуществляться посредством использования по отношению к нему определенного типа действий, например, кражи, при гадании с петухами и овцами: «Пашли, украли у хазяина питуха, да принесли. (А его обязательно украсть надо?) Украсть. (А почему?) Ну а каг жы, ни сваиво жы. А патом нисём здать» [8].

Другую функцию носили обрядовые действия, объединяемые термином «ритуальное кормление». Цели и семантика акций подобного рода были раскрыты Л. Н. Виноградовой в статье «Девичьи гадания о замужестве в цикле календарной обрядности». Исследователь ставит данные действия в один ряд с другими гиластическими (задабривающими) обрядами, направленными на умилостивление духов-опекунов (в случае гадания они должны были предсказать будущее). По мнению Виноградовой, акцент в этом случае стоит как на самом действии ритуального кормления, так и на предмете – ритуальной еде [3]. В текстах, записанных в Усть-Донецком районе, мы находим различные реализации действия подобного типа: «Када от воду светють, свещки, Крищенко то. Кусощик схватил и пабех. Как дятьку звать. Жыних твой будя»; «Хто напьёца с этой чашки, тот мой жыних» [8].

Таким образом, символические действия, предваряющие гадания, оказываются разнообразны по функциям и характеру реализаций. Объектом большинства из них становится сам гадающий, реже – используемый в ритуале предмет или животное. Целью же акций данной группы является придание объекту свойств, характерных для обитателей «иног», «чужого» мира. Действием, выпадающим из данной парадигмы, является ритуальное кормление, объект которого – мифологический персонаж, а цель – его задабривание, которое должно было обеспечить успех в гадании.

Перейдём к анализу второй группы акций субъекта гадания – действий, направленных на получение знаний о будущем. Собранный материал показывает, что действия данной группы реже подвергаются символическому осмыслению. Достаточно большой процент гаданий предполагает такие способы узнавания сведений о будущем, как слушание различных звуков извне, смотрение куда-либо. И хотя взгляд можно трактовать, как «материальный контакт, устанавливающий магическую связь между человеком и явлением природы, предметом либо его символической сущностью» [6], все же символически доминантную позицию в гаданиях этого типа занимает локус. В других случаях акцент стоит на элементах предметного кода обряда, символизирующих границу между тем и этим светом, как, например, вода в стакане, зеркало, кольцо: «Гадали дифчата на зеркала. Но над вадой жы зеркала диржали, над вадой. Вот вада, и зеркала становють. И там какии-та слова, што «пакажысь» мол. А! О! Вышыл, вышыл! А там вышыл – ни вышыл, хто иво знает» [8]. К данной группе примыкает действие «видеть во сне», где, как уже говорилось, символически маркируется само состояние сна.

Придание магических свойств определенным предметам становится целью таких действий, как пускание троицких венков по воде, подбрасывание и перебрасывание обуви, сжигание бумаги. Прагматика действий первого и второго типа – помещение предметов в иномирное пространство, последнего – изменение формы предмета.

Большой интерес для нас в данном случае представляют те варианты гаданий, где основная смысловая нагрузка ложится на само действие. Стоит отметить такие акции, как ловить (петуха / барана), считать (кольца в плетне).

Взгляд на ритуал гадания как на нечто не зависящее от воли человека обнаруживается в гаданиях, стержневое действие которых обозначается глаголами «ловить», «поймать», «найти», «найти на что-либо»: «Слыхала, што ловють питухоу. Ну эта жы питух жы ни адин. И ловют-та задам. Задам сымають с насесты. И смотрят, чи питуха, чи курачку. (А если петуха?) Ну стала быть жаних будить. (А если курица?) Ну да пасидит нихай» [8]. В других районах области фиксируются также гадания с «ловлей» ступы, символическим «нахождением» жениха. Мотив случайной встречи, появляющийся в данных текстах, с одной стороны, позволяет классифицировать «найденные» и «пойманные» предметы как чужие, пришедшие с того света, а с другой – говорить о том, что потенциальным субъектом действий по определению будущего в гаданиях данного типа выступает судьба, доля, а человек лишь принимает то, что ему наречено.

Еще одно гадательное действие, имеющее самостоятельную значимость – пересчёт колева в плетне. Вне зависимости от числа предметов, сам процесс счёта, как доказывает Богданов, является действием, постулирующим существование того объекта, на который падает выбор человека при перечислении: «Считая нечто, считающий тем самым как бы присваивает объект, наделяет его своей собственной телесностью, делает чужого – своим» [2], в случае с гаданиями – переводит объект – кол плетня – из пограничного пространства в своё. В гаданиях может учитываться внешний вид или значение, приписываемое определенному по счёту колу. Счисление элементов может производиться в двоичной системе, где парное количество колева, а также выпадение слов оценивается положительно, обозначает скорое и удачное замужество, а непарное количество, либо выпадение слова, «женатый», «вдовец» – оценивается отрицательно, сулит сидение в девках или менее удачный вариант замужества. В гаданиях с пересчётом колева используется также и десятичная система, при которой жениха определяют по третьему (иногда – трём), девятому, десятому, двенадцатому колу – числам, наделяемым в славянской традиции сакральным смыслом. В других случаях конечным пунктом счёта становится угол ограды – стык двух плетней – локус, который также обладает особой значимостью, воспринимается как место обитания представителей того света.

Итак, наблюдения над гадательными действиями показывают, что они неоднородны в семантическом и функциональном планах. В некоторых случаях (слушать, смотреть, пускать по воде) акции играют дополнительную роль по отношению к определенным сакрализованным локусам или предметам, в других же (ловить, считать) – получают самостоятельное значение и выступают в гаданиях как полноценные культурные символы.

Обратившись к языковой стороне акциональных обрядовых символов, можно указать на ряд присущих им особенностей. Так, больше половины глаголов, служащих для обозначения действий в гаданиях – переходные, т.е. требуют наличия прямого объекта, например: «носить (курей)», «ловить (петуха, ступу)», «считать (колышки)», «бросать (обувь)», «спрашивать (судьбу)». Некоторые из этих выражений приобретают формульный характер, т.е. употребляются по отношению к одной и той же обрядовой ситуации на разных территориях. Так, в нескольких населенных пунктах мы фиксировали идиому «носить курей», которая служила названием гадания с петухом.

Другая форма конкретизации значений глаголов в текстах гаданий – это локативные уточнения: «смотреть в окно», «выбегать на перекрёсток», «бросать через хату», «бегать под окна». В текстах может отмечаться и способ осуществления действия: «ложиться спать молча», «ловить задом».

Большинство лексем, используемых для описания ритуальных действий, принадлежат литературному языку, реже – диалекту (грохотать – смеяться, найти на что-либо – поймать).

Говоря об отражении системных отношений в лексике, обслуживающей сферу ритуальных действий человека во время гаданий, можно отметить существование в контексте ритуала обрядовых синонимов (кричать = молчать) и антонимов (идти = бегать и др.)

Подведем некоторые итоги исследования акционального кода гаданий Усть-Донецкого района Ростовской области. Анализ данного элемента обрядовой символики показал, что действия являются важнейшей частью обряда гадания, так как часто именно конкретизация ритуального действия становится ответом информатора на вопрос о способах гадания, существующих в данной местности.

Наблюдения над различными действиями во время совершения гадательного ритуала позволяют нам обобщить данные этнографического характера (о форме бытования мантической обрядности на территории нижнего Дона) и этнолингвистического (проследить отражение в ритуале концептов и универсальных категорий, формирующих мифопоэтическую картину мира донской казачки, таких как верх /низ, своё/ чужое, концепт встречи и концепт судьбы).

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 2, 2004 г.

Библиографический список

- [1] Агапкина Т.А. Молчание // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Международные отношения, 2002.
- [2] Богданов К.А. Счёт как текст в фольклоре // <http://www.ruthenia.ru/folklore>
- [3] Виноградова Л.Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле святочной обрядности // Славянский и балканский фольклор. – М., 1981.
- [4] Мадлевская Е.Л. Святочные бесчинства // Русский праздник. Энциклопедия. Праздники и обряды земледельческого календаря. – СПб., 2001.
- [5] Насонова А.С. Представления о сне в духовной культуре донских казаков. Бакалаврская диссертация, выполненная на филологическом факультете РГУ под рук. Н.А. Архипенко в 2003 г.
- [6] Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения // Концепт движения в языке и культуре. – М., 1996.
- [7] Топорков А.Л. Смотреть // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Международные отношения, 2002.
- [8] Полевые записи автора в ст. Раздорской, хуторах Пухляковский, Каныгин и Крымский Усть-Донецкого района в 2001 году (информаторы: Алексеевой Екатерины Фёдоровны, 1909 г.р.; Алпатьевой Евдокии Михайловны, 1915 г.р.; Бударинной Марии Кирилловны, 1924 г.р.; Давыдыч Анны Александровны, 1936 г.р.; Качалиной Валентины Васильевны, 1935 г.р.; Макаровой Анны Александровны, 1906 г.р.; Сухаревой Екатерины Ивановны, 1929 г.р.).